

Б.К. БОРИСОН

Дух Рождества

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б82

B. K. Borison
GOOD SPIRITS: Ghosted (Book 1)

Copyright © 2025 by B. K. Borison.
All rights reserved.
Published by arrangement with William Morrow, an imprint
of HarperCollins Publishers

Школа перевода В. Баканова

Перевод с английского *Александры Патриной*

Борисон, Б. К.

Б82 Дух Рождества / Б. К. Борисон ; [перевод с английского А. Патриной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-242276-8(1 Оф.)
ISBN 978-5-04-254633-4(2 Оф.)

Он — Дух Прошлого Рождества. Она — вовсе не Скрудж.

В праздничном списке Нолана всего два пункта:

1. Наставить грешника на путь истинный
2. Вернуться к скучной загробной жизни

План прост, вот только грешницей оказывается Хэрриэт. Она — самая милая подопечная из всех, что попадались Духу за последние сто лет. Владелица антикварной лавки, обожающая рождественскую атрибутику и яркие свитеры. Единственный ее недостаток – излишняя доброта.

Проблема в том, что Хэрриэт понятия не имеет, за что именно к ней приставили Духа. Чтобы ответить на этот вопрос, герои должны совершить путешествие по воспоминаниям девушки. Пока они вместе шаг за шагом распутывают тайны прошлого, им открываются способы изменить их настоящее. Но хватит ли паре смелости заглянуть в общее будущее — если один жив, а другой… не совсем?

На поиск ответа всего три недели, ведь в канун Рождества Дух испарится, а Хэрриэт забудет его навсегда.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-242276-8(1 Оф.)
ISBN 978-5-04-254633-4(2 Оф.)

© Патрина А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Для потерянных и забытых.
И для тех, кто верит и не отпускает.

Глава 1

Хэрриэт

В первый день декабря
Мне судьба принесла…

Весьма своевольную кошку, что обернулось разбитой коленкой и запутанной гирляндой.

Мне прекрасно жилось и без этих неприятностей, но они дружно налетели на меня и теперь не дают опомниться. Собственно, я спотыкаюсь о соседскую кошку и кубарем скатываюсь с крыльца. Она с мяуканьем несется за мной и лижет мне ладонь шершавым языком, как будто не из-за нее я растянулась на тротуаре возле своего небольшого дома, словно труп в детективном сериале. Это притом что ноги мне вдобавок оплетает провод с мерцающими лампочками.

Под жалобный вой Оливер я с трудом сажусь и внимательно разглядываю несчастную коленку. Колготки порваны, намечается огромный синяк, но крови нет… почти. Могло быть и хуже.

Тут я замечаю, что представительница кошачьих, из-за которой я с самого утра проявляю чудеса акробатики, держит в крошечных зубках конверт, а оттуда торчит карточка из плотного картона, тисненная золотистой фольгой. Настроение только ухудшается.

— Это могло бы и подождать, Оливер, — ворчу я, почесывая ее за ухом, а она кладет приглашение к моим ногам.

Честно говоря, могло подождать хоть до конца света.

Кошка опять мяукает и, толкнув меня в руку, убегает. Мол, не грусти, дорогая. Взмахнув рыжим хвостом, Оливер исчезает за углом — спешит по своим важным делам.

Я смотрю на конверт. За двадцать пять лет мама ни разу не потрудилась поменять оформление. В раннем детстве я пряталась за стеной приемной у нее на работе и смотрела, как мама медленно выводит каждое имя. Мне казалось, если она пишет так аккуратно и вдумчиво, значит, глубоко уважает каждого приглашенного. Но теперь я понимаю, что ей нравится сам ритуал.

Провожу пальцем по своему имени — Хэрриэт Йорк.

Никакого ласкового обращения — так и не догадаешься, что отправительница вообще-то меня вырастила. Точно такое же письмо получает папин бухгалтер и все остальные приглашенные на ежегодный рождественский бал Йорков. Мама никогда не нарушает традиций и очень строго соблюдает этикет, поэтому карточка приходит точно в срок — первого декабря.

Кладу приглашение в сумочку, стараясь не помять. Хотела бы я относиться к балам как к какой-нибудь ерунде, но не получается. Мысль о том, что в семье меня по-прежнему ждут, греет душу, хотя отношения у нас в последнее время разладились.

Выпутавшись наконец из гирлянды, я отползаю с тротуара и выуживаю из кустов у крыльца выпавшие из рук пакеты. К тому моменту, когда приходит приглашение, я всегда успеваю украсить дом. Это уже моя маленькая традиция в любимое время года. На выходных я достала с чердака все необходимое и разложила по кучкам, хотя какая теперь разница? Гирлянда, искусно обвивавшая перила, сейчас жалко свисает с них. От огромной пуансеттии, которую я двадцать шесть минут вертела и так и эдак, чтобы смотрелось красиво, оторвался лепесток.

Я поправляю край цветка-переростка, чтобы прикрыть полысевшее место.

— Ну вот, — говорю я. — Прямо как новая.

Моя тетя Матильда раньше заверяла, что почти все можно исправить, если посмотреть на ситуацию с другого ракурса или прикупить яркой мишуры. Вот и я взялась таким образом исправлять свою жизнь: начала с покупки непропорционально гигантских рождественских украшений. Я всегда пытаюсь отыскать в ситуации плюсы, а если не получается — бегу в крошечную кондитерскую на нашей улице и разгоняю тоску черничными слойками.

Не люблю зацикливаться на плохом. Никогда так не делала.

И сейчас не буду.

— Хэрри, ты как там?

На низкий деревянный заборчик у моего дома падает тень. Дэррил, почтальон, работающий в нашем квартале, отчаянно пытается посмотреть на меня из-за горы коробок, что держит в руках.

— Все хорошо, Дэррил.

Я прихрамываю к ограде и снимаю с его «Пизанской башни» верхние коробки. Почтальон благодарно улыбается, хотя за его пышными усами этого почти не видно. Зато возле глаз у него разбегаются лучики морщинок.

— Как вы догадались, что я упала?

— Наверное, потому что ты по сторонам не смотришь.

Груда коробок опасно покачивается, в почтальонской сумке через плечо явно лежит что-то объемное, и я невольно хмурюсь.

— Предпраздничная суматоха? Так рано?

— Да нет, просто перепутал адреса и теперь стараюсь все исправить. — Дэррил поворачивается боком, чтобы меня видеть. — Не понимаю, как умудряюсь столько ошибаться.

Ошибается он всю свою карьеру — двадцать с лишним лет приносит не те посылки не тем людям. Не представляю, почему человек с топографической неграмотностью пошел именно в почтальоны. Я бросаю взгляд на коробки, которые забрала, и указываю на зеленую табличку возле перекрестка.

— Вы перепутали улицу. В адресе написано Моррис-стрит, а вы на Мюррей-стрит.

Дэррил, прищурившись, смотрит на выведенные на бумаге буквы и удивленно охает:

— Надо же, а я и не заметил. Даже не верится!

Мне тоже, учитывая, что на прошлой неделе он уже перепутал эти две улицы. Большинство местных жителей тратит воскресенье на то, чтобы разобраться, у кого чья почта. На той неделе Дэррил ошибся столько раз, что мы даже решили свезти все отправки в одно место, чтобы каждая нашла адресата.

— А может, я возьму эту коробку и занесу нужному человеку по дороге на работу? — Я поудобнее устраиваю тяжелую посылку под мышкой. — Тогда вы спокойно развезете остальные на нашей улице, и вам не придется возвращаться.

— Ты правда поможешь? — расцветает Дэррил.

Мне доводилось выполнять задания посложнее за меньшую благодарность.

— Люблю играть в Санту, — улыбаюсь я и похлопываю почтальона по плечу. — Еще увидимся!

— Сегодня, надеюсь, не придется, — обернувшись, подмигивает он мне и идет дальше по тротуару.

В первый день декабря

Мне судьба принесла…

Две перепутанные посылки, внеплановое посещение аптеки в поисках пластыря и ни одной черничной слойки.

— Прости, дорогая, но все закончились, — хмурится Пола из-за стойки. Уголки ее рта печально опускаются. Я прихожу в кондитерскую Полы с тех пор, как мне исполнилось шесть лет и я впервые прижалась перепачканным черникой лицом к стеклу витрины. — Может, возьмешь с клюквой или с яблоками?

Нет. Я хочу с черникой. Сама мысль об этом нежном сахарном наслаждении помогла мне пережить ужасное утро. Я бежала за сладкой мечтой, как ослик — за подвешенной перед носом морковкой. Но Пола не виновата, что слойки закончились, поэтому я с вымученной улыбкой киваю: сейчас бы в прямом смысле выгребла из кондитерской последние крошки.

— Да, давайте с клюквой, спасибо.

Пока Пола лезет в длинную стеклянную витрину, я изучаю пострадавшее колено. Дырка на колготках увеличилась — словно молния расползлась вверх по бедру. Я похожа на какую-то праздничную гранж-рок-принцессу: твидовая юбка, сапоги до колена. Пластырь с единорогом хотя бы добавляет красок. Уже неплохо.

— Ой-ой…

Я вскидываю голову. Пола согнулась пополам, обшаривая витрину.

— Что такое? — спрашиваю я. Ненавижу эти «*ой-ой*». Еще одно такое восклицание за сегодня, и я не выдержу.

— Похоже, слоек вообще не осталось.

— Совсем? Даже с клюквой? Ни одной нет?

В моем голосе такое разочарование, что лицо Полы смягчается.

Я ведь всегда покупаю слойки первого декабря. *Всегда*.

— Просто обычно ты гораздо раньше приходишь, — разводит руками женщина, критически осматривая меня из-за стойки. Кивает на мою разбитую коленку: — Подралась на улице? Что с тобой случилось?

— Жизнь случилась, — бормочу я. Пришла за слойками позже обычного, потому что делала хорошее дело, но, похоже, все добро наказуемо.

Вспоминая о том, что за мной собирается очередь, окидываю глазами остатки выпечки. В витрине лежат только круассаны со сливочным маслом и парочка пончиков, присыпанных сахарной пудрой.

— Дайте мне пончик, пожалуйста. — Я оглядываюсь через плечо. — Извините, что задерживаю.

— Ничего страшного. — Пола цепляет пончик металлическими щипцами и кладет в бумажный пакет. — Возьмешь еще кофейку? Есть мокко с перечной мятой, как ты любишь. На выходе скажешь Имани, что это за счет заведения.

— Спасибо, Пола. — Я растягиваю губы в улыбке.

Попивая несчастный кофе, я съедаю несчастный пончик по дороге к «Вороньему гнезду», антикварному магазинчику, который несколько лет назад достался мне в наследство от тети Матильды. В украшенном сахарной пудрой свитере сворачиваю на извилистую улицу, петляющую по историческому центру Аннаполиса, а затем прохожу вдоль гавани по мощеной дорожке, ведущей прямиком к лавке. Та приютилась в самом конце улицы, ждет меня — мой второй дом вдали от родного, — а с обеих сторон от маленького здания поблескивает вода.

Кедровая черепица. Зеленая отделка. Над дверью — табличка с фигурными золотыми буквами. Входя в магазин, я провожу пальцами по высечкам на косяке парадной двери — так мы с сестрой каждое лето измеряли рост.

И если родители хранили наши документы и другие важные бумаги в аккуратной папке в офисе, то тетя Матильда устроила из своего дома целый музей нашего детства. Тут я чувствую себя особенно уютно — среди забытых вещей, наваленных на полки и теснящихся в шкафах. Для меня это источник надежды. Приятная компания. Не раз я брала в руки потерянную безделушку и видела красоту в ее изъянах. Мне всегда было любопытно: если усердно зализывать раны и лечить синяки, получится ли потом засиять? Сможет ли кто-нибудь увидеть во мне ценность, какую я видела в забытых безделушках?

Я шагаю с тротуара на деревянный мостик к дверям, негромко стуча каблуками. Тетя Матильда с усмешкой называла это ходьбой по краю. Ближе к двери перепрыгиваю через последнюю деревяшку и приветствую две дугласовы пихты,

терпеливо ждущие меня у порога, — их доставили издалека, с фермы, где выращивают рождественские елки. Я собираюсь украсить магазин, слушая проникновенные песни Бинга Кросби[1], льющиеся из древнего проигрывателя, а заодно натолкать в рот побольше мятной коры[2], чтобы превратить это утро в не более чем плохое воспоминание.

Но мои тщательно продуманные планы так и остаются где-то под пихтами. У меня даже не доходят руки установить деревья на подставки. Стоит перевернуть табличку «открыто» на двери, как в магазин вереницей прибывают посетители. Я могла бы порадоваться, что у нас так много народу, однако в основном люди только задают кучу вопросов, но ничего не покупают — они словно проверяют мое дружелюбие на прочность, а я упорно держусь только за счет силы воли. Обычно мне нетрудно поболтать, но одна дамочка пятнадцать минут говорит с кем-то по громкой связи, другая пытается навязать мне какую-то маску для волос, которой добросовестно пользуется уже десять лет, а некий мужчина средних лет, обутый в кроссовки *New Balance*, громко пыхтя, бродит по закутку с мебелью.

— У вас нет прикроватных тумбочек в разборе? — кричит он мне, уперев руки в бока и случайно потеряв грязно-белую кроссовку.

Хочется огрызнуться, мол, у нас не *IKEA*. Но я откладываю возражения в тот же ящик, что и тоску по черничным слойкам, а на лицо приклеиваю улыбку.

---

[1] Бинг Кросби — знаменитый американский певец и киноактер, один из самых успешных и влиятельных исполнителей XX века. — *Здесь и далее примеч. ред.*

[2] Мятная кора — традиционный американский и европейский десерт, который особенно популярен в период зимних праздников. Он представляет собой плитку, состоящую из нескольких слоев шоколада (обычно темного и белого), густо посыпанную сверху измельченными мятными леденцами или карамельными тростями.

«Думай о хорошем, — велю я себе. — Думай о хорошем, только о хорошем, думай о хорошем…»

— Нет, антиквариат в разобранном виде не продается, — ровным тоном отвечаю я, гордая тем, что не сорвалась. — Зато у нас есть очень красивые тумбочки.

К тому моменту, как солнечные лучи в задних окнах тают, я успеваю жутко устать, коленка ноет, а украшения не развешаны, не считая скромной омелы над дверью в кладовку. Я переворачиваю табличку на двери — «закрыто» — и провожу рукой по колючим лапам пихты.

— Не волнуйся, подруга, завтра будет новый день.

Хорошо бы он сложился лучше, чем сегодняшний. И хорошо бы у меня нашлось время украсить деревья гирляндами.

Под свист ветра над водой я запираю магазин тяжелым фигурным медным ключом. Очередная безделушка тети Матильды, которую у меня не хватает духу осовременить. Засовываю ключ в карман и выхожу на улицу, где в вечерних сумерках просыпаются мягко поблескивающие фонари.

По дороге домой я больше не спотыкаюсь ни о какую кошку. На крыльце не навалена груда чужих посылок и гигантских рождественских украшений. Дом как дом на тихой улочке в Аннаполисе. И дверь как дверь, разве что нужно прижать ногой правый нижний угол, чтобы открыть ее.

Меня встречает мерцание гирлянды на елке. Я бросаю вещи возле двери, после чего, извиваясь, снимаю колготки. Натягиваю любимую пижаму — красно-белый фланелевый костюм с танцующим оленем — и собираю кудрявые волосы в хвост. Сегодня я скрашу свои разочарования фильмом «Светлое Рождество» и мятным чаем. А завтра начну все сначала.

Рождество всегда было моим любимым временем в году. Единственный период, когда волшебство становится реальным и витает в воздухе где-то совсем рядом. Ка-

жется, протяни руку — и вот она, магия. Словно можно поймать ее замерзшими пальцами, как карамельку или пачку попкорна, перевязанную красивой ленточкой. Ощутить ее, как потрескивающий в камине огонь или имбирные пряники только из духовки. На Рождество чувствуешь, что все в жизни складывается правильно. Что все вокруг настоящее.

Я удобно устраиваюсь на мягком диване и, развернув карамельную тросточку, смотрю фильм, где Бетти и Джуди[1] поют про сестер. У меня в горле сразу появляется плотный тугой комок. *Сестры*.

Все детство мы с сестрой на Рождество лежали перед телевизором на полу, прижавшись друг к другу, и раз за разом пересматривали эту сцену. Обещали, что останемся такими навсегда: будем улыбаться, смеяться, танцевать — вместе, *до конца жизни*. Мы наблюдали, как мама с тетей все время грызлись, пока их отношения окончательно не разрушились. Нам так не хотелось. Для себя мы загадывали лучшее.

Но когда я в последний раз разговаривала с сестрой, кругом цвели вишни, а на ее щеках блестели слезы. Хоть мы и надеялись сохранить отношения, в итоге все же умудрились повторить историю мамы и тети.

Я пошла одной дорогой, Саманта — другой.

Отгоняю эту мысль. Сегодня же первое декабря. Неподходящий день для болезненных воспоминаний. Время Дэнни Кэя[2], мятных леденцов и уютнейших носочков.

Традиция. Надежда. Тепло.

---

[1] Бетти и Джуди — главные женские персонажи, сестры и музыкальный дуэт из знаменитого американского музыкального фильма «Светлое Рождество» (White Christmas, 1954 год).

[2] Дэнни Кэй (настоящее имя — Дэвид Дэниел Каминский) — легендарный американский актер, певец, танцор и комик. Исполнил одну из главных ролей в фильме «Светлое Рождество».